

Живет он в Лос-Анджелесе и никогда не был в России. Но если вам доведется услышать его музыку, вы поймете, что ее мог написать только русский. И не ошибетесь, хотя Иван Соколов родился и прожил все свои тридцать шесть лет в Америке.

Его дед четырнадцатилетним подростком воевал в Осетинском батальоне Бредовского полка и потом вместе с войсками Врангеля через Константинополь покинул Россию. Здесь, в Лос-Анджелесе, русские эмигранты первой волны основали свою общину, где воспитывались поколения русских американцев. Их с детства учили любить Россию, ее историю, культуру, традиции. Они читали русских писателей, заучивали русских поэтов, слушали русскую музыку, ставили русские пьесы. И, конечно же, огромное влияние на них оказывали рассказы дедушек и бабушек, людей, зачастую лично знавших А. Чехова, К. Станиславского, С. Рахманинова. Да ведь многие из них и сами были частью русской культуры, русской интеллигенции. Они полюбили Америку, но это нисколько не уменьшило их любви к России. И в этой любви они воспитывали своих детей, внуков и правнуков.

Иван Соколов и вырос в такой общине при Преображенском храме, одной из трех православных церквей Лос-Анджелеса, где его отец и по сей день служит регентом, и, конечно же, говорить и петь по-русски Ваня начал раньше, чем по-английски. Да и теперь этот приятный и легкий в общении человек бегло говорит по-русски. Лишь незначительный акцент выдает в нем американца.

— Для нас, — говорит он, — семнадцатый год был как вчера, так ярко, так живо отзывались в наших сердцах события тех лет. Мы выросли среди этих рассказов, среди этих воспоминаний, и что бы ни происходило в России, это тотчас же отзывалось эхом у нас. Я помню, с каким напряжением следили мы за событиями девяносто первого, потом девяносто третьего года в Москве... И

хотя в нашем сознании никогда не смешивались Россия и Советский Союз, любое событие в этой стране воспринималось так, словно мы сами были его участниками.

Меня познакомил с Иваном русский врач из Лос-Анджелеса, тоже Иван и по отчеству Иванович. Он тоже никогда не бывал в России, но собирается обязательно побывать. Попадая в дом Ивана Ивановича, чувствуешь себя почти как на московской кухне у старых друзей — звучат песни Петра Лещенко, Клавдии Шульженко, Игоря Талькова, Булата Окуджавы... Рядом бегают босоногие Ваня и Коля, детишки Ивана Ивановича, жена Ирина потчует грибной икрой, селедочкой и отварной картошкой, словом все, как было дома. И меня, человека, прожившего более полувека в Москве, хозяин дома заставляет краснеть, когда демонстрирует свои знания о моем родном городе. Он знает все улицы Москвы, станции метро, музеи и церкви, переулки и бульвары. Начни мы состязаться в конкурсе «Что вы знаете о Москве?» я безусловно проиграл бы.

Иван Иванович подарил мне компакт-диск, который называется «Vacation beach». На обложке был сфотографирован красивый молодой человек, сидящий на пустынном океанском берегу на перилах то ли будки спасателей, то ли лодочной станции...

Первая композиция этого диска так и называется «Один». Я уже несколько месяцев слушаю эту музыку. Что-то бесконечно близкое, знакомое, щемящее слышится в этих мелодиях, и невольные слезы наверчиваются на глаза, когда свой монолог начинает скрипка. Нет, ностальгия тут ни при чем, дело просто в хорошей музыке, очень лирической и мелодичной, а к старости становишься сентиментальной.

Играть Иван начал в шесть лет, и в доме его всегда звучала музыка. Мать, укладывая их с сестрой спать, ставила пластинки, в основном клас-

сическую музыку, они многие годы засыпали под эти звуки, с тем и выросли. И он, и сестра стали музыкантами. И конечно же, среди любимых композиторов Иван в первую очередь называет Чайковского, Рахма-

Краснознаменного ансамбля имени Александрова...

Свою первую композицию он написал в восемнадцать лет и потом в последующее десятилетие создал около двухсот произведений, нико-

нинова, Римского-Корсакова, Прокофьева...

И тут же оговаривается, что американская музыка тоже оказала свое влияние на его музыкальное воспитание, но ведь это и неудивительно, когда живешь в такой стране, как Америка, где музыка звучит круглосуточно по всем каналам радио и ТВ, и это, конечно же, наложило отпечаток и на аранжировку его произведений, и на тематику. Но в их доме джазовую и рок-музыку часто прерывали песни Л. Зыкиной и

му их не показывая.

— Я понял, что когда в моей жизни что-то происходит, я должен это выразить в музыке. Я почувствовал, что музыка может залечивать раны, что она исцеляет... Я ничего не записывал нотами, все мелодии звучали у меня в голове, и я никогда ничего не забываю. У меня есть книжечка, куда я записывал событие или имя, дату и в каком ключе... И так было долгие годы, я писал вроде бы для себя, но несколько лет назад сказал сам себе: «Все, Ваня, пора!»

И музыка легла на нотные строчки, я сформировал группу музыкантов и выпустил свой первый диск.

Диск имел успех, принес первый значительный заработок, его мелодии зазвучали в популярной вечерней телепередаче «The Poppy Hunt Show». Появилась возможность начать работу над вторым диском, и после нескольких месяцев напряженнейшей работы он вышел на музыкальный рынок. Называется он «Valley» — «Долина».

— Ох, морщится Иван, — это все-таки какой-то топографический перевод, а я вкладывал в название философский смысл. Когда не вверх, в гору, а наоборот, когда все катится вниз, когда кажется, что все очень плохо... Я имею в виду состояние души. Знаете, художник очень часто почти сознательно осложняет себе жизнь, как говорится, лезет на рожон. Своего рода мазохизм, но именно он — источник творчества... Я даже когда-то стихи написал об этом...

— Ваня, где берете основание для страданий в такой благополучной стране, как Америка? Молодой, красивый, талантливый и уже признанный... Что заставляет страдать?

— Девушки, конечно, — смеется он. — Знаете, когда она даже не смотрит в твою сторону, когда избегает встреч...

Ох, боюсь, лукавит здесь наш герой. Кажется, страдания выпадают здесь совсем другой стороне.

— Последние два года я уже не сижу целыми днями за роялем, но очень много думаю о музыке и это, поверьте, дело более утомительное, чем сидение за роялем. Как должна здесь звучать скрипка или флейта, и где легато перейдет в стаккато... Я одеваю наушники и иду несколько миль пешком и не думаю ни о чем другом, кроме моей музыки... У меня была одна знакомая, Зина Ротаст, они с Рахманиновым были друзьями, вместе жили в Санта-Монике. Она много рассказывала о нем, о том, как

он приходил, садился за пианино и играл. Говорила, что он не был похож на человека, съедаемого депрессией. Очень любил водить машину и ходить пешком, ходил долгими часами...

Помимо музыки Иван самозабвенно любит спорт. Сам много лет играл в американский футбол, был тренером, сейчас перешел в лигу страстных болельщиков, «болеет» почти во всех видах спорта.

— Потому что все замечательные спортсмены — своего рода художники. У них есть время, мгновение, в течение которого они должны выложить все на что способны. Это как такт в музыке. Посмотрите, как действует боксер, — короткий удар левой, еще левой, потом длинный — правой. Как две восьмые ноты и четверть или половина. Это же блюз, музыка блюза! А игра в коллективе — это слаженный оркестр, где у каждого свои слабые и сильные стороны, но в целом — гармония. Это мое личное восприятие — для меня музыка и спорт неразделимы.

И еще мы говорим о России. Иван мечтает, чтобы его музыку услышали там, особенно почему-то в Санкт-Петербурге. Пробыться будет нелегко, музыкальный рынок поделен, равно как и деньги.

— Да при чем здесь деньги, — он машет рукой. — Там мои корни, там воевал мой дед. Мои родители, которые никогда прежде не были в России, съездили туда уже несколько раз за последние годы. Им нравится в России, они находят там что-то такое, о чем мечтали всю жизнь. Когда-нибудь поеду и я... Хотелось бы, чтобы к тому времени моя музыка нашла в России своего слушателя, чтобы кто-то мне написал: «Ваня, это здорово! Мне очень нравится твоя музыка!» И я буду по-настоящему счастлив!

Т. БОЛЬШАКОВА

— Новое Русское Слово
— Калифорния